

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

Издательство АСТ
представляет книги
Дмитрия Глуховского:

БУДУЩЕЕ

МЕТРО 2033

МЕТРО 2034

СУМЕРКИ

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

БУДУЩЕЕ

роман-утопия

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г55

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление обложки, форзаца, нахзаца — *Илья Яцкевич*

Глуховский, Дмитрий Алексеевич.

Г55 Будущее : роман-утопия / Дмитрий Глуховский. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Бестселлеры Дмитрия Глуховского).

ISBN 978-5-17-118366-0

НА ЧТО ТЫ ГОТОВ РАДИ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ?

Уже при нашей жизни будут сделаны открытия, которые позволят людям оставаться вечно молодыми. Смерти больше нет. Наши дети не умрут никогда.

Добро пожаловать в будущее. В мир, населенный вечно юными, совершенно здоровыми, счастливыми людьми.

Но будут ли они такими же, как мы? Нужны ли дети, если за них придется пожертвовать бессмертием? Нужна ли семья тем, кто не может завести детей? Нужна ли душа людям, тело которых не стареет?

Утопия «БУДУЩЕЕ» — первый после пяти лет молчания роман Дмитрия Глуховского, автора культового романа «МЕТРО 2033» и триллера «Сумерки». Книги писателя переведены на десятки иностранных языков, продаются миллионными тиражами и экранизируются в Голливуде. Но ни одна из них не захватит вас так, как «БУДУЩЕЕ».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118366-0

© Д.А. Глуховский, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава I

ГОРИЗОНТЫ

Лифт — отличная штука, говорю я себе. Есть масса поводов восхищаться лифтами.

Путешествуя по горизонтали, всегда знаешь, куда попадешь.

Перемещаясь по вертикали, можешь оказаться где угодно.

Направлений вроде всего два — вверх и вниз, но ты никогда не знаешь, что увидишь, когда створки лифта раскроются. Бескрайние офисные зоопарки — клерки в клетках, идиллическая пастораль с беззаботными пастушками, саранчовые фермы, ангар с одиноким дряхлым Нотр-Дамом, смрадные трущобы, в которых на одного человека приходится тысяча квадратных сантиметров жилья, бассейн на берегу Средиземного моря или просто сплетение тесных сервисных коридоров. Одни уровни доступны для всех, на других лифты не открывают своих дверей случайным пассажирам, а о третьих не знает никто, кроме тех, кто проектировал башни.

Башни достаточно высоки, чтобы проткнуть облака, а корни, которыми они уходят в землю, еще длиннее. Христиане убеждают, что в башне, которая построена на месте Ватикана, есть лифты, курсирующие в Преисподнюю и обратно, а есть такие, что возят праведников прямо в рай. Я тут прижал одного проповедничка, спросил, зачем в такой безнадежной ситуации они продолжают оболванивать людей. Впаривать бессмертие души в нынешние времена — дело обреченное. Душой же давно никто не пользуется! Христианский рай, должно быть, такая же унылая дыра, как собор Святого Петра: народу никого, и повсюду слой пыли с палец толщиной. Тот затрепыхался, запищал что-то про образы для масс-маркета — мол, надо говорить с паствой на ее языке. Надо было сломать этому трюкачу пальцы, чтобы ему креститься не так ловко было.

На километровую высоту скоростные лифты взлетают буквально за пару минут. Для большинства этого времени как раз хватает, чтобы посмотреть рекламный ролик, поправить прическу или убедиться, что между зубов ничего не за-

стряло. Большинство не обращает внимания ни на интерьер, ни на размер кабины. Большинство даже не отдает себе отчета в том, что лифт куда-то движется, хотя ускорение сдавливает и кишки, и извилины.

Согласно законам физики, оно должно было бы спрессовывать и время — хоть чуть-чуть. Но вместо этого каждый миг, который я провожу в кабине лифта, разбухает, распухает...

Я смотрю на часы в третий раз. Эта чертова минута никак не желает заканчиваться! Я ненавижу людей, которые восхищаются лифтами, и ненавижу людей, которые способны как ни в чем не бывало разглядывать в кабинах свое отражение. Я ненавижу лифты и того, кто их изобрел. Что за дьявольская идея — подвесить над бездной тесный ящик, запахнуть туда живого человека и предоставить ящику решать, сколько держать человека взаперти и когда выпускать его на свободу?!

Двери все никак не откроются; хуже того, кабина даже не собирается замедляться. Так высоко я, пожалуй, еще не забирался ни в одной башне.

Но на высоту я плевать хотел, с высотой у меня нет никаких проблем. Я готов стоять на одной ноге на вершине Эвереста, только бы меня выпустили из этого проклятого гроба.

Не надо об этом думать, иначе воздух кончится! Как я опять соскользнул в эти клейкие мысли? Я ведь так славно размышлял о заброшенном соборе Святого Петра, об изумрудных тосканских холмах ранним летом... Закрыть глаза, вообразить себя среди высокой травы... Я стою в ней по пояс... Все по книжным рекомендациям... Вдох... Выдох... Сейчас успокоюсь... Сейчас... Да откуда мне знать, каково это — стоять по пояс в долбаной траве?! Я никогда не видел ее ближе чем с десятка шагов, если, конечно, не считать синтетические газоны!

Зачем я согласился забраться так высоко? Зачем принял приглашение?

Хотя приглашением это назвать сложно.

Вот живешь ты тараканьей фронтовой жизнью: бегаешь по траншеям щелей в полах и стенах. Любой шум относишь на свой счет и тут же замираешь, и каждый раз надо быть готовым к тому, что раздавят. И вот однажды выбираешься на свет и попадаешься. Однако вместо того чтобы хрустнуть и согнуться, вдруг, крепко зажать пальцами, взлетаешь куда-то вверх, где тебя собираются разглядывать.

Кабина все продолжает подниматься. Экран во всю стену показывает рекламу: размалеванная девка глотает таблетку счастья. Остальные стены — бежевые, мягкие, сделаны так, чтобы не нервировать пассажиров и чтобы не дать им расколотить себе башку в приступе паники; однозначно, восхищаться лифтами есть масса поводов!

Шипит вентиляция. Я чувствую, что взмок. На бежевый пружинящий пол падают капли. Горло не пропускает воздух, словно его сдавливает могучая механическая пятерня. Девка смотрит мне в глаза и улыбается. Во мне остается тоненькое отверстие, через которое я еле втягиваю в себя достаточно кислорода, чтобы

не потерять сознание. Бежевые стены медленно, почти незаметно сжимаются вокруг меня, норовя задавить.

Выпустите!

Ладонью я зажимаю девке ее улыбающийся красный рот. Ей, кажется, это даже нравится. Потом изображение пропадает, и экран превращается в зеркало. Я гляжу на свое отражение. Улыбаюсь.

Разворачиваюсь, чтобы залепить кулаком по дверям.

И тут лифт останавливается.

Створки раздвигаются.

Стальные пальцы, пережавшие мне трахею, нехотя ослабляют хватку.

Я вываливаюсь из кабины в лобби. Пол выложен якобы камнем, стены отделаны якобы деревом. Освещение вечернее, за простой стойкой – загорелый благожелательный консьерж в свободной одежде. Никаких надписей, никакой охраны; те, кто имеет сюда доступ, знают, куда попали, и понимают, какую цену им придется заплатить за любой эксцесс.

Я собираюсь представиться, но консьерж дружелюбно отмахивается.

– Проходите-проходите! За моей стойкой – второй лифт.

– Еще один?!

– Он поднимет вас прямо на крышу, буквально пара секунд!

На крышу?

Никогда раньше не бывал на крышах. Жизнь проходит в помещениях, в боксах и в тубах, как и у всех. Оказываешься иногда снаружи – гонишься за кем-нибудь, случается всякое. Делать там особо нечего.

Но крыши – другое дело.

Я как попало нацепляю на свою потную физиономию учтивую улыбку и, собравшись, шагаю к потайному лифту.

Никаких экранов, никакого управления. Набираю воздуха, ныряю внутрь. Пол – паркет из русского дерева, раритет. Забыв на секунду о своем страхе, приседаю и ощупываю его. Это не композит, точно... Солидно.

Именно таким идиотом на корточках – промежуточная стадия известного рисунка на тему превращения обезьяны в человека – меня и застает *она*, когда двери вдруг распахиваются. Будто и не удивлена тем, в какой позе я езжу на лифтах. Воспитание.

– Я...

– Я знаю, кто вы. Мой муж немного задерживается, попросил меня вас развлечь. Считайте меня его авангардом. Я – Эллен.

– Пользуясь случаем... – Не поднимаясь с колен, я улыбаюсь и целую ее руку.

– Кажется, вам немного жарко. – Она забирает у меня свои пальцы.

Ее голос прохладен и ровен, а глаза скрыты за огромными круглыми стеклами темных очков. Широкие поля элегантной шляпы – коричневые и бежевые полосы концентрически чередуются – опускают на лицо вуаль тени. Мне видны

только губы — вишневая помада — и зубы, идеально выточенные и кокаиново-белые. Может быть, это обещание улыбки. А может, ей просто хочется одним полудвижением своих губ заставить мужчину строить щекоочущие гипотезы. Просто так, для упражнения.

— Мне немного тесно, — признаюсь я.

— Так пойдёмте, я покажу вам наш дом.

Я встаю и оказываюсь выше её, но мне кажется, что это она продолжает смотреть на меня свысока из-за своих стекол. Она предлагает называть себя Эллен, но это все игры в демократию. Госпожа Шрейер, вот как мне следует к ней обращаться, учитывая, кто такой я и чьей супругой является она.

Понятия не имею, зачем я понадобился её мужу, и уж совсем не могу представить себе, к чему ему впускать меня в свой дом. Я бы на его месте побрезговал.

Из светлой прихожей — створка лифтовой кабины притворяется обычной входной дверью — я попадаю в вереницу просторных комнат. Эллен идет чуть впереди, указывая дорогу, не оборачиваясь ко мне. И прекрасно — потому что я плююсь по сторонам, как деревенщина. Я бываю во всяких домах — моя служба, как некогда служба старухи с косой, не позволяет делать различий между бедными и богатыми. Но таких интерьеров мне не доводилось видеть нигде.

На господина Шрейера и его супругу приходится больше жилой площади, чем на обитателей нескольких кварталов десятком-другим ярусов ниже.

И не надо ползать на коленях, чтобы убедиться: все в доме — натуральное. Конечно, неплотно пригнанные и вытертые мореные доски пола, ленивые латунные вентиляторы под потолком, азиатская темно-коричневая мебель и отполированные пальцами дверные ручки — все это стилизация. Начинка у дома — сверхсовременная, но скрыта она за самой настоящей латунью и самой настоящей древесиной. С моей точки зрения — непрактично и неоправданно дорого. Композит стоит в десятки раз меньше, и он-то вечен.

Тенистые комнаты пусты. Прислуги нет; иной раз проявится из тени человеческий силуэт, но окажется скульптурой — то из покрытой налетом патины бронзы, то из лакированного черного дерева. Доносится откуда-то тихая старинная музыка, и на ее волнах госпожа Шрейер гипнотизирующе покачивается, проплывая через свои бескрайние владения.

Платье на ней — прямоугольник из кофейной ткани. Его плечи нарочито велики, ворот — слишком груб: просто круглая дыра. Обнажая сверху только шею — долгую, аристократическую, — оно непроницаемо на всем ее стане, но вдруг заканчивается сразу на бедрах прямо начерченной линией. И за этой линией — тоже тень. Красота любит тень, в тенях рождается соблазн.

Поворот, арка — и вдруг потолок пропадает.

Надо мной разверзается небо. Я застываю на пороге.

Черт! Я знал, что это произойдет, но все же не был к такому готов.

Она оборачивается, улыбается мне снисходительно:

– Неужели вам не случилось бывать на крышах?

Плебей, имеет в виду она.

– По работе мне гораздо чаще приходится торчать в трущобах, Эллен. Вам не случилось бывать в трущобах?

– Ах да... Ваша работа... Вы ведь убиваете людей или что-то вроде того, да?

Спросив, она словно и не ждет ответа — отворачивается и движется дальше, увлекая меня за собой. И я не отвечаю. Наконец переварив небо, я отдираю себя от дверного косяка — и понимаю, куда привез меня лифт.

В подлинный рай. Не в засахаренный христианский эрзац, а в мой персональный парадиз, которого я никогда не видел, но о котором, оказывается, всю жизнь мечтал.

Вокруг меня нет стен! Ни единой. Я стою на пороге большого бунгало, занимающего середину обширной песчаной поляны в сердце одичавшего тропического сада; в разные стороны отсюда проложены настилы дорожек, и ни у одной из них не видно конца. Фруктовые деревья и пальмы, неизвестные мне кусты с огромными сочными листьями, мягкая зеленая трава — вся растительность тут, хоть она и ярка по-пластиковому, несомненно, настоящая.

Я впервые черт знает за сколько времени чувствую, что мне дышится легко. Словно всю мою жизнь у меня на груди просидела какая-то грязная толстуха, придавливая ребра и отравляя мне дыхание, а теперь я ее свалил и наконец почувствовал свободу. Давно я такого не ощущал. Может, и никогда.

Следуя по дощатому настилу за бронзово-надменной госпожой Шрейер, я открываю для себя место, которое должно было бы быть моим домом. Тропический остров — так выглядит резиденция ее мужа. Искусственный — но об этом можно догадаться лишь по его геометрической идеальности. Это выверенный круг, не меньше километра в сечении. Ровная кайма пляжа окольцовывает его.

Когда госпожа Шрейер выводит меня на пляж, моя выдержка меня предает. Я нагибаюсь, зачерпываю горсть мельчайшего, нежного белого песка. Можно было бы подумать, что мы на атолле, затерянном где-нибудь в морском безбрежии, если бы вместо пенистой водной кромки пляж не заканчивался прозрачной стеной. За ней — обрыв, а дальше, в десятке метров внизу — облака. Почти незаметная уже с нескольких шагов, стена поднимается вверх и превращается в огромный купол, накрывающий остров целиком. Купол поделен на сектора, каждый из которых может сдвигаться, обнажая пляж и сад для солнца.

С одного края между пляжем и стеклянной стеной плещется синяя вода: небольшой бассейн старается быть для госпожи Шрейер куском океана. Прямо перед ним на песке стоят два шезлонга.

Она устраивается на одном из них.

— Обратите внимание, — говорит госпожа Шрейер. — Тучи всегда остаются внизу, поэтому у нас тут очень хорошо загорать.

Сам-то я видел солнце не раз, но знаю массу людей с нижних ярусов, которые в отсутствие настоящего солнца научились обходиться нарисованным. Но видимо, когда долго соседствуешь с чудом, начинаешь от него скучать и пытаешься выдумать ему какое-то практическое применение. Что, солнце? Ах да, от него такой естественный загар...

Второй шезлонг явно принадлежит ее мужу; так и вижу, как они, небожители, вечерами созерцают с этого Олимпа мир, который считают своим.

Я опускаюсь в нескольких шагах от нее — сажусь прямо на песок — и вглядываюсь в даль.

— Как вам у нас нравится? — покровительственно улыбается она.

Вокруг, сколько хватает глаз, расстилается клубящееся облачное море — а над ним парят сотни, тысячи летучих островов. Это крыши других башен, обиталища богатейших и могущественнейших — потому что в мире, свинченном из миллионов замкнутых пространств, составленном из ящичков, нет ничего дороже пространства открытого.

Большинство крыш превращены в сады и лесные рощи. Проживая на небесах, их обитатели кокетливо скучают по земле.

А там, где летающие острова тают в дымке, мироздание схватывает кольцо горизонта. Я впервые вижу ту тонкую линию, которая отделяет землю от неба. Когда выбираешься наружу на нижних или средних уровнях, перспектива всегда загромождена, и все, что видно между стволами башен, — это другие башни, а если случится просвет и между ними, в нем уж точно не высмотреть ничего, кроме башен еще более далеких.

Вживую горизонт не слишком отличается от того, что нам показывают на настенных экранах. Конечно, внутри ты всегда знаешь, что перед тобой просто картинка или проекция, что настоящий горизонт — слишком ценный ресурс, что оригинал достается лишь тем, кто способен за него платить, а остальным хватит и репродукции на карманном календарике.

Я зачерпываю горсть мелкого белого песка. Он такой нежный, что мне хочется приложиться к нему губами.

— Вы не отвечаете на мои вопросы, — делает мне замечание она.

— Простите. Что вы спрашивали?

Пока она прячется за своими стрекозиными окулярами, нет никакой возможности определить, действительно ли ей интересно мое мнение, или она просто исполнительно развлекает меня, как распорядился ее муж.

Ее загорелые голени, оплетенные золотыми ремешками высоких сандалий, сияют отражением солнца. Лак на ногтях — цвета слоновой кости.

— Как вам у нас?

У меня готов ответ.

Я тоже должен был бы родиться беспечным лоботрясом в этом райском саду, принимать солнечные лучи как должное, не видеть стен и не бояться их, жить на воле, дышать полной грудью! А вместо этого...

Я совершил одну-единственную ошибку — вылез не из той матери — и теперь всю свою бесконечную жизнь должен за это расплачиваться.

Я молчу. Я улыбаюсь. Я умею улыбаться.

— У вас тут похоже на огромные песочные часы. — Я широко улыбаюсь госпоже Шрейер, просеивая белые крупинки и жмурясь на солнце, которое висит в зените, точно над стеклянным куполом.

— Вижу, для вас время все еще течет. — Она, наверное, глядит на струящийся меж моих пальцев песок. — Для нас-то оно давно остановилось.

— О! Даже время бессильно перед богами.

— Это вы называете себя Бессмертными. А я простой человек, из плоти и крови, — не слыша издевки, возражает она.

— Однако шансов умереть у меня куда больше, чем у вас, — замечаю я.

— Но вы же сами выбрали эту работу!

— Ошибаетесь, — улыбаюсь я. — Можно сказать, что работа выбрала меня.

— Значит, убивать — ваше призвание?

— Я никого не убиваю.

— А я слышала обратное.

— Они делают свой выбор сами. Я всегда следую правилам. Технически я, конечно...

— Как скучно.

— Скучно?

— Я думала, вы убийца, а вы бюрократ.

Мне хочется сорвать с нее шляпу и намотать ее волосы на кулак.

— А вот сейчас вы смотрите на меня как убийца. Вы уверены, что всегда следуете правилам?

Она сгибает одну ногу в колене, тень захватывает больше места, воронка расширяется, теперь я на самом ее краю, сердце тянет, в груди вакуум, вот-вот ребра начнут проламываться внутрь... Как эта избалованная дрянь проделывает такое со мной?

— Правила снимают ответственность, — взвешенно произношу я.

— Бойтесь ответственности? — Она вздергивает бровь. — Неужели вам все же жаль всех этих бедолаг, которых вы...

— Послушайте, — говорю я. — Вам, наверное, никогда не приходило в голову, что в таких условиях, как вы, живут не все? Вам, может быть, неизвестно, что четыре квадратных метра на человека — норма даже на приличных уровнях? А вы помните, сколько стоит литр воды? А почему киловатт? Простые люди из плоти и крови ответят на этот вопрос, не задумываясь ни на секунду. И все они знают, почему вода, энергия и пространство столько стоят. Из-за этих ваших бедолаг, кото-

Дмитрий Глуховский

рые, не присматривай мы за ними, окончательно обрушат и экономику, и башни. Включая и вашу башню из слоновой кости.

— Вы очень красноречивы для головореза. Хотя я узнаю в вашем пламенном выступлении целые пассажи из выступлений моего мужа. Надеюсь, вы не забыли, что ваше будущее в его руках? — холодно интересуется она.

— С моей работой привыкаешь больше ценить настоящее.

— Ну да... Когда ежедневно воруеть будущее у других... Пресыщаешься им, видимо?

Я поднимаюсь со своего места. Сука господина Шрейера словно достала из-за пазухи набор игл и втыкает их в меня одну за другой, стараясь угадать все мои болевые точки. И я не собираюсь терпеть ее сучью акупунктуру.

— Что вы улыбаетесь? — Ее голос звенит.

— Думаю, мне пора. Передайте господину Шрейеру, что...

— Вам опять жарко? Или тесно? А вы представьте себя на месте этих людей.

Ведь вы караете их только за то...

— Я не могу оказаться на их месте!

— Ах да, этот ваш монашеский обет...

— Дело не в нем! Просто я понимаю, какую цену платим мы все из-за того, что кто-то не может сдержаться! Я сам плачу ее! Я, а не вы!

— Не врите себе! Вы просто не можете понять этих людей, потому что вы — кастрат!

— Что?!

— Вам же не нужны женщины! Вы заменяете их своими таблетками! Разве не так?

— Какого черта?! Все, с меня хватит!

— Вы ведь такой же, как они все! Идеальный импотент! Смейтесь, смейтесь! Вы знаете, что я говорю правду!

— Тебе нужно, чтобы я...

— Вы... Что?! Отпустите...

— Ты хочешь, чтобы...

— Отпусти! Тут везде наблюдение... Я... Не смей!

— Эллен! — рокошет в глубине сада вельветовый баритон. — Дорогая, где вы?

— Мы на пляже! — Она не сразу успевает стряхнуть со своего голоса хрипотцу, и ей приходится через миг переговаривать все заново. — Мы тут, Эрих, на пляже!

Госпожа Шрейер оправляет смятое кофейное платье и за секунду до того, как ее муж появляется из зарослей, успевает дать мне пощечину — злую, настоящую.

Теперь я ее заложник; чего мне ждать от этой суки? Отчего она так вдруг на меня взъярилась? Что вообще только что между нами произошло? Я так и не

увидел ее глаз, хотя шляпа лежит, сброшенная, на песке. Медовые волосы на плече...

– А... Вот вы где!

Он выглядит именно так, как на экранах, в новостях: совершенно. Со времен римских патрициев такое благородство черт возвращалось на грешную землю только единожды – в Голливуд пятидесятих годов двадцатого века, чтобы потом снова исчезнуть на долгие столетия. И вот – новое пришествие. И последнее, потому что Эрих Шрейер не умрет никогда.

– Эллен... Ты даже не предложила нашему гостю коктейли?

Я смотрю мимо нее – на песок: вокруг шезлонгов он вспахан, как арена боя быков.

– Господин сенатор... – Я склоняю голову.

В его зеленых глазах – спокойная доброжелательность уберменша и сдержанное энтомологическое любопытство. Похоже, господин Шрейер не обратил внимания ни на отброшенную шляпу, ни на следы на песке. Наверное, он вообще редко глядит себе под ноги.

– Не надо этого... Обращайтесь ко мне по имени. Вы же у меня дома, а дома я – просто Эрих.

Теперь я киваю молча, не называя его никак.

– В конце концов сенатор – это ведь просто одна из ролей, которые я играю, так? И не самая важная. Приходя домой, я выбираюсь из нее, как из делового костюма, и вешаю в прихожей. Мы все просто играем свои роли, и всем нам наши костюмы подчас натирают...

– Простите, – не выдерживаю я. – Никак не могу вылезти из своего. Боюсь, это моя шкура.

– Не бойтесь. Шкуру можно спустить. – Шрейер дружески подмигивает, подбирая брошенную шляпу. – Вы успели осмотреться в моих владениях?

– Нет... Мы тут разговорились с вашей супругой...

Госпожа Шрейер не смотрит на меня. Похоже, она еще не определилась, казнить ей меня или миловать.

– Ничем более ценным я и не владею, – смеется он, передавая ей полосатую шляпу. – Коктейли, Эллен. Мне – «За горизонт», а... вам?

– Текилу, – говорю я. – Нужно освежиться.

– О! Вечный напиток... Текилу, Эллен.

Она изображает покорный поклон.

Конечно, это знак особого внимания, как и то, что Шрейер попросил свою жену встретить меня. Внимания, которого я не заслужил – и не уверен, что смогу заслужить.

Я вообще противник жизни в кредит. Приобретаешь нечто, что тебе принадлежать не должно, а расплачиваешься тем, что больше не принадлежишь сам себе. Идиотская концепция.

- О чем задумались?
- Пытаюсь понять, зачем вы меня вызвали.
- Вызвал! Послушай, Эллен, а? Я вас пригласил. Пригласил познакомиться.
- Зачем?
- Из любопытства. Мне интересны такие люди, как вы.
- Таких людей, как я, сто двадцать миллиардов в одной Европе. Вы принимаете по одному в день? Я понимаю, что вы не ограничены во времени, и все же...
- Кажется, вы нервничаете. Устали? Слишком долго к нам добирались?
- Это он про лифты говорит. Знает про некоторые мои особенности. Наверное, читал мой личный файл. Тратил время.
- Сейчас пройдет. — Я опрокидываю дабл-шот текилы.
- Кислый желтый огонь, расплавленный янтарь, наждаком по глотке. Чудесно. Вкус странный. Не похоже на синтетику. Не похоже вообще ни на что из известного мне, и это настораживает. Я-то считал себя знатоком.
- Что это? «Ла Тортуга»? — пытаюсь угадать я.
- Нет, что вы! — Он ухмыляется.
- Протягивает мне кусок лимона. Любезничает. Я качаю головой. Для тех, кто не любит огонь и наждак, есть коктейль «За горизонт» и прочие сласти.
- Вы читали мой личный файл? — Трещины на моих губах жжет спиртом. Я облизываю их, чтобы щипало подольше. — Польщен.
- Положение обязывает, — разводит руками Шрейер. — Вы же знаете, Бессмертные находятся под моей опекой.
- Опекой? Только вчера вот слышал в новостях, как вы обещали расформировать Фалангу, если народ этого потребует.
- Эллен поворачивает свои окуляры в мою сторону.
- Меня иногда упрекают в беспринципности, — подмигивает мне Шрейер. — Но у меня есть железный принцип: говорить каждому то, что он хочет от меня услышать.
- Весельчак.
- Не каждому, — возражает госпожа Шрейер.
- Я о политике, любовь моя, — лучезарно улыбается ей господин Шрейер. — В политике иначе не выжить. Но семья — единственная тихая гавань, в которой мы можем побыть сами собой. Где, как не в семье, мы можем и должны быть искренны?
- Звучит прекрасно, — произносит она.
- Тогда, с твоего позволения, я продолжу, — мурлычет он. — Так вот. Люди, которые верят новостям, обычно хотят верить и тому, что государство заботится о них. Но расскажи мы им, как именно государство о них заботится, — им станет не по себе. Все, что они хотят услышать: «Не волнуйтесь, у нас все под контролем, в том числе и Бессмертные».

— Эти сорвавшиеся с цепи штурмовики.

— Они просто хотят, чтобы я их успокоил. Чтобы я заверил их, что в Европе, с ее вековыми устоями демократии и почитания прав человека, Бессмертные — просто вынужденное, временное явление.

— Вы умеете внушить уверенность в завтрашнем дне. — Я слышу, как во мне открывается шлюз, сливая текилу прямо в кровь. — Знаете, мы ведь тоже смотрим новости. Вам кричат, что Бессмертные — погромщики, с которыми давно пора покончить, а вы только улыбаетесь. Как будто бы не имеете к нам никакого отношения.

— Вы очень точно сформулировали! Как будто бы мы не имеем к Фаланге никакого отношения. Зато мы даем вам полный карт-бланш.

— И объявляете, что мы совершенно неуправляемы.

— Вы же понимаете... Наше государство основано на принципах гуманности! Право каждого на жизнь свято, как и право на бессмертие! Европа отказалась от смертной казни столетия назад, и мы никогда не вернемся к ней, ни под каким предлогом!

— А вот теперь я снова узнаю того другого вас, из новостей.

— Я не думал, что вы так наивны. С вашей работой...

— Наивен? Знаете... Просто с нашей работой часто хочется поговорить с людьми из новостей, которые макают нас в дерьмо. И вот — редкий случай.

— Не думаю, что вам удастся со мной поссориться. — Шрейер усмехается. — Помните? Я же всегда говорю людям то, что они хотят от меня услышать.

— И что, по-вашему, хочу услышать я?

Шрейер втягивает свой фосфоресцирующий пижонский коктейль — через соломинку, из шарообразного бокала, который нельзя поставить, не опустошив.

— В вашем файле значится, что вы исполнительны и честолюбивы. Что вы правильно мотивированы. Приводятся примеры вашего поведения при операциях. Все выглядит очень неплохо. Выглядит так, словно вас ждет большое будущее. Но продвижение по служебной лестнице у вас будто бы застопорилось.

Уверен, что в моем файле про меня есть немало и такого, о чем господин Шрейер предпочитает не упоминать, — возможно, пока не упоминать.

— Поэтому, предполагаю, вам хотелось бы услышать о повышении.

Я кусаю щеку; молчу, стараясь не выдать себя.

— А так как я всегда следую своему принципу, — опять эта дружеская улыбка, — то и говорить с вами собираюсь об этом.

— Почему вы?.. Назначения в компетенции командующего Фаланги. Разве не он...

— Конечно, он! Конечно, старина Риккардо. Назначает он! А я просто разговариваю. — Шрейер машет рукой. — Вы сейчас правая рука командира звена. Так? Вас рекомендуют повесить до командира бригады.

— Десять звеньев? В моем распоряжении? Рекомендует кто?